

ненія закону, ибо не могу вынести существованія конечнаго въ мертвыхъ для меня законахъ міра.

Вотъ его благодарственная молитва:

«Ты спасъ меня и я теперь ищу одного: приблизиться къ Тебѣ, понять Тебя, насколько это возможно мнѣ... Ты, Богъ любви и правды, приблизь меня къ себѣ, открой мнѣ все, что я могу понять о Тебѣ»...

Писатель молить о «пониманіи», онъ не можетъ стоять на одной дорогѣ или интуитивнаго, или разсудочнаго познанія. Утвердившись на началѣ, которое онъ самъ называетъ «тайнственнымъ» и недоступнымъ воспріятію разуму, онъ съ какой-то тоской и боязнью молить аргументовъ, по выраженію Достоевскаго, эвклидовскихъ, доступныхъ усвоенію внѣшне-разсудочному. Въ Толстомъ не было фанатика и былъ слишкомъ силенъ аналитикъ. Погибая отъ сомнѣній, отравленный ядомъ ихъ, онъ празднуетъ потомъ побѣду оживленія и спасенія, но преждевременно. «Невѣрующій Өома» въ немъ живъ и не перестаетъ молить внѣшнихъ, крѣпкихъ, совсѣмъ успокаивающихъ доказательствъ.

Это такъ согласуется со всей трагедіей его жизни, лишенной силы фанатика, ослабленной этой борьбой мистика и рационалиста.